

Джеймс Хэдли

ЧЕИЗ

ПРИЯТНОГО ВЕЧЕРА!

Парадиз-Сити

Джеймс Чейз

Приятного вечера!

«Азбука-Аттикус»

1982

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Приятного вечера! / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1982 — (Парадиз-Сити)

ISBN 978-5-389-18827-3

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». Роман «Приятного вечера!» (Have a Nice Night, 1982) относится к циклу «Парадиз-Сити». Тяжело ранив неудачливого убийцу, детектив Том Лепски невольно стал причиной столкновения интересов двух преступных групп. На кону большие деньги, ставка – жизнь.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18827-3

© Чейз Д. Х., 1982
© Азбука-Аттикус, 1982

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джеймс Хэдли Чейз Приятного вечера!

James Hadley Chase

HAVE A NICE NIGHT

Copyright © Hervey Raymond, 1982

All rights reserved

Серия «Звезды классического детектива»

Перевод с английского Елены Королевой

Серийное оформление и оформление обложки Валерия Гореликова

© Е. А. Королева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава первая

Двое мужчин сидели за столиком в захудалом, тускло освещенном баре на берегу реки Сент-Джонс, в портовом районе Джэксонвилла и беседовали вполголоса. Если не считать этих двоих и престарелого тучного бармена, в заведении было пусто. Того, кто сидел слева, звали Эд Хэддон, он был король воров, специализировавшихся на произведениях искусства, и блистательный организатор, который с виду вел безупречную жизнь преуспевающего бизнесмена, ушедшего на покой: платил налоги и переезжал из одной своей квартиры в другую, из Форт-Лодердейла на юг Франции, из Парижа в Лондон. Обычно этот преступный гений задумывал дело, а потом собирал и возглавлял группу опытных воров, которые воплощали его прибыльные идеи.

Хэддона можно было принять за сенатора или даже за Государственного секретаря. Он был высокий, крепко сбитый, с густыми седыми волосами стального оттенка, с приятным румяным лицом и благосклонной улыбкой политика. За этим фасадом скрывался острый как бритва, безжалостный и хитрый ум.

Справа сидел Лу Брейди, признанный во всем криминальном мире лучшим похитителем произведений искусства. Это был мужчина лет тридцати пяти, хрупкого телосложения, с черным ежиком волос, с острыми чертами лица и беспокойными серыми глазами. Помимо того, что Лу профессионально справлялся с любыми замками, он был еще и мастером перевоплощения. Кожа у него на лице растягивалась словно резиновая: пара тампонов в рот, и его худая физиономия превращалась в пухлую. Он сам делал парики. Когда он приклеивал усы или бороду, каждый волосок лежал на своем месте. Стоило ему скрыть худощавое тело одеждой с толщинками¹, которые он шил собственноручно, и он превращался в человека, интересующегося в жизни только обильной едой. Благодаря своему поразительному таланту маскировки он ни разу не попадался, хотя его разыскивала полиция всего мира.

Эти двое, работавшие вместе несколько лет, разбирали сейчас промахи, допущенные в последнем деле: похищение из Вашингтонского музея иконы, принадлежавшей Екатерине Великой. Оба сошлись на том, что план был блистательный, да и исполнение нельзя назвать неудачным. Просто случилось то, что невозможно ни запланировать, ни организовать, ни продумать.

Хэддон не спеша закурил сигару, а Брейди, знакомый с его привычками, терпеливо ждал.

– Я потерял на этой краже деньги, Лу, – произнес Хэддон, убедившись, что сигара тянется как надо. – Но ладно, что было, то прошло. Там потеряешь, тут найдешь. А теперь пора нам подзаработать... верно?

Брейди кивнул.

– Придумал что-нибудь, Эд?

– Стал бы я сидеть в этой дыре, если бы не придумал. Дело будет крупное, но нужно еще поработать. Мне необходимо подобрать хорошую команду. – Он указал на Брейди сигарой. – Ты у меня во главе списка. И я хочу знать, свободен ли ты в ближайшие три недели.

Брейди тонко улыбнулся:

– Я всегда свободен, когда нужен тебе, Эд.

– Да. – Хэддон кивнул. – И думаю, это правильно. Ты ведь знаешь, что, когда я предлагаю сделку, ты получаешь большие деньги. А теперь слушай внимательно. Пока я планировал похищение иконы, я, поскольку пришлось работать с этим гомиком Клодом Кендриком, провел три дня в Парадиз-Сити, в отеле «Испанский залив». Это стоило кучу денег. Сейчас этот отель – особенное место, безусловно самый дорогой и роскошный отель в мире, что о многом

¹ Подкладка-подушечка для придания фигуре большей полноты. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

говорит. Там нет простых номеров, только люксы. Сервис превосходит все мировые стандарты, и останавливаются там только те, у кого денег больше, чем мозгов, и вот что я тебе скажу, Лу: в мире до сих пор полным-полно болванов, у которых денег больше, чем мозгов. Поэтому в этом отеле никогда – повторяю, никогда – не бывает свободных люксов.

Брейди вопросительно поднял бровь:

– И ты там останавливался?

– Совершенно верно. Я приехал под видом богатого клиента. Это наталкивает на свежие идеи. Да, это стоит денег, но зачастую окупается. Так вот, отель подкинул мне одну мысль. – Хэддон пыхнул сигарой, потом стряхнул пепел на пол. – Отелем владеет один француз, Жан Дюлак, который знает свое дело. Он приятен внешне, полон шарма, и богатенькие постояльцы его обожают. Персонал у него тщательно отобран, некоторые даже из Франции, где лучше и еда, и гостиничный сервис, где знают все тонкости содержания отелей экстра-класса. Заполучить люкс в самом отеле мне не удалось, поэтому я остановился в одном из многочисленных шале на территории: две спальни, гостиная и все прочее – в высшей степени роскошно. Люксы там бронируют на год вперед. Мне удалось побродить по отелю. У меня был доступ к трем коктейль-барам, трем ресторанам и бассейну. – Он посмотрел на Брейди. – Шикарнейшее место, битком набитое очень, очень богатыми мужчинами и женщинами.

Брейди слушал внимательно.

– Не мне тебе рассказывать, – продолжил Хэддон после паузы, – что, когда мужчины богатеют, их жены начинают соревноваться с женами других богачей. Такова человеческая природа. Помимо одежды, норковых шуб и прочего, в соревновании участвуют и элитные драгоценности. Если у миссис Снук бриллиантовое кольцо, то миссис Пук станет пилить мужа, пока не получит такое же. Тогда миссис Снук пожелает себе серьги и браслеты, чтобы обойти миссис Пук, и та, в свою очередь, потребует того же. Эти избалованные сучки, не заработавшие в своей жизни ни доллара, требуют и получают драгоценности на многие тысячи. Во время ужина в главном ресторане можно лицезреть всех этих дамочек, обвешанных бриллиантами, изумрудами и рубинами. Я разок ужинал там, и никогда еще мне не доводилось видеть такого собрания драгоценностей под одной крышей. По моим прикидкам, в тот вечер на этих глупых, никчемных куклах было украшений миллионов на шесть-семь.

Брейди вздохнул.

– Очень мило, – сказал он. – И?..

– И меня осенило, что было бы весьма недурно обчистить отель «Испанский залив».

– Шесть миллионов? – переспросил Брейди, внимательно глядя на Хэддона.

– Да. – Хэддон пыхнул сигарой. – Может, и больше, но пусть будет шесть.

– Любопытно. – Брейди поскреб голову, размышляя. – На данный момент я себе это не представляю, Эд. Обчистить отель? Что именно под этим подразумевается?

– Конечно ты не представляешь, – сказал Хэддон и улыбнулся. – Каким бы умным ты ни был, Лу, у тебя не мои мозги, именно по этой причине мы с тобой так хорошо работаем вместе. Ты проворачиваешь ограбление. А я составляю план... Идет?

Брейди кивнул.

– Значит, куш будет в шесть миллионов. И сколько из них мне? – поинтересовался он, сверля Хэддона взглядом.

– Два, – ответил Хэддон. – И я оплачиваю все расходы. Справедливо?

– Очень мило, – повторил Брейди. – А когда мы получим цацки, кто будет их сбывать?

Его вера в план Хэддона была так велика, что ему и в голову не пришло сказать «если» вместо «когда».

– Разумеется, шумиха поднимется до небес, – сказал Хэддон. – Копы в Парадиз-Сити расторопные. Тут же поставят всех на уши. Они там сотрудничают с полицией штата и с поли-

цией Майами. Вывозить награбленное из города будет слишком рискованно. Я собираюсь оставить все на хранение Кендрику. Придется с ним договориться, но он наш лучший выбор.

Брейди поморщился:

– Ненавижу этого жирного гомика.

– Не важно. Он умный, а это все, что нас интересует.

– Ладно. – Брейди пожал плечами. – И что это будет, вооруженный налет? Такое мне не по душе, Эд, во всяком случае в отеле. Как мы все это провернем?

Хэддон подал знак тучному бармену, чтобы принес еще напитков. Он дождался, пока бармен поставит новые стаканы и заберет пустые.

– Когда я жил в отеле, Лу, – сказал он после того, как оба подняли бокалы и сделали по глотку, – я разговорился с одной старой жирной крокодилицей, увешанной бриллиантами. В лобби-баре отеля всегда сидит какая-нибудь старуха, чей муж предпочел умереть, лишь бы избавиться от нее. Она была польщена, что я обратил на нее внимание. Рассказала мне, что раз в год приезжает сюда на месяц. И стоило этой жирной туше чуть пошевелиться, как мне слышалось шуршание долларов. Я потратил на нее час, узнав все о ее муже, большой шишке в нефтяном бизнесе, который умер пять лет назад, о ее детях и ее чертовых внуках. Она даже заставила меня смотреть семейные фотографии. Ты ведь знаешь, как это опасно: стоит только попасться на глаза одинокой старухе – и вот тебя уже взяли в оборот.

Так вот, я мастер своего дела. Мимоходом я восхитился ее бриллиантами. Навскидку на ней было украшений тысяч на сто. Она сказала, что всегда требовала от мужа, чтобы он дарил ей на все годовщины только бриллианты. Я спросил, не опасается ли она, в наше-то время, когда кругом одно ворье, что ее ограбят. Она сказала, что никогда не надевает украшения за пределами отеля. Сказала, что служба безопасности отеля настолько хороша, что она не допускает и мысли об ограблении. Мы поболтали еще, поэтому я могу кое-что тебе рассказать о службе безопасности.

Каждому постояльцу по прибытии выдается индивидуальный сейф с кодовым замком. Комбинацию цифр знает только постоялец. Перед тем как лечь спать, гости складывают все свои ценности в сейфы, и два сотрудника службы безопасности уносят их в общий гостиничный сейф. Улавливаешь?

Брейди кивнул.

– Кодовые замки? – Он улыбнулся. – Нет проблем. Кодовые замки мне – раз плюнуть.

– Я подозревал, что ты так скажешь. Итак, когда все богатые козлы отправляются баиньки, сейф отеля битком набит соблазнительными коробочками. Вот до чего я докатился. Если бы не неудача с иконой, мне бы и в голову не пришло грабить отеля. Но я уверен, что идея окупится.

Брейди подумал, затем спросил:

– А на что похож сейф отеля?

– Вот это предстоит выяснить тебе. Я даже не знаю, где он находится.

– Ладно. Вряд ли это сложно. Расскажи мне о службе безопасности. Узнал о них что-нибудь?

– Два гостиничных копа работают посменно, совершая регулярные обходы. Оба с виду профессионалы. Кроме того, два вооруженных охранника из службы безопасности заступают на дежурство около девяти вечера и остаются до двух ночи. Молодые, крутые ребята. Жизнь в отеле затихает примерно к трем ночи, но загулявшие постояльцы тянутся в номера часов до четырех. Мне кажется, самое удачное время, чтобы вскрыть сейф, – примерно три ночи. Больше сказать не могу. Все подробности тебе придется выяснять самому.

– Ты хочешь сказать, что я буду жить в этом отеле?

– Другого способа нет. Я надеялся, что ты согласишься, поэтому один из моих людей уже забронировал через туристическое агентство шале. Отследить, кто сделал заказ, будет невозможно.

Брейди одобрительно покивал.

– Еще я внес внушительный залог, так что проблем не будет. Заедешь в следующий понедельник под именем Корнелиуса Вэнса.

– Отличное имя для богача.

– Я договорюсь, чтобы у тебя был «роллс-ройс». Не забывай, что тебе предстоит жить среди богатейших людей. Думаю, тебе лучше сыграть очень состоятельного престарелого инвалида в кресле-каталке, которого сопровождает помощник. С другими гостями дружбу не своди. Скажешь гостиничной прислуге, что желаешь отдохнуть в уединении. – Он помолчал. – Все это обойдется мне тысяч в пятнадцать, Лу. Аренда шале без питания стоит восемьсот в день. Выпивку там не заказывай. Еду выбирай простую, иначе счет взлетит до небес. Алкоголь привезешь с собой. Днем перекусишь чем-нибудь в шале, но по вечерам придется ужинать в ресторане, чтобы оценить будущую добычу. Ты следишь за моей мыслью?

Брейди кивнул.

– Твоя работа – определить местоположение сейфа и вскрыть его. Я нашел одного ловкого исполнителя, который будет водить «роллс-ройс» и изображать твоего помощника. Его задача – отыскать сейф и помочь тебе вынести его содержимое, когда придет время. Таков план в целом. А теперь попробуй найти его слабые места.

– Говоришь, кто-нибудь из гостиничных копов всегда на посту?

– Да.

– И двое вооруженных охранников постоянно поблизости?

– О них можешь не беспокоиться, Лу. – Хэддон улыбнулся. – Они были первой проблемой, которую я разрешил. Плюс гостиничный коп. Это я уладил. Они тебе не мешают.

– Ну, если ты так говоришь, Эд... Тогда сосредоточимся на моем помощнике. Отличная мысль явиться туда в кресле-каталке. В таком случае меня копы заподозрят в последнюю очередь, а потом будет уже слишком поздно. Мне нужен шофер, который поможет опустошать сейфы, но только не надо делать из него моего помощника. Хорошенькая сексуальная медсестричка подойдет на эту роль лучше парня. Сексапильная медсестричка в униформе, которая болтается по отелю, разговаривает с людьми и узнает все, что нам нужно знать.

– Ты имеешь в виду свою подружку? – уточнил Хэддон.

– Угу. Она такая сексапильная, что у меня встает при одной мысли о ней. Она просто создана для подобной работы.

Хэддон пожал плечами:

– Детали я предоставляю тебе. С меня водитель, с тебя – медсестра.

– А она уложится в смету, Эд?

– На это дело я выделю двадцать кусков, и это потолок. В эту сумму входит все.

– Ясно. Теперь по поводу охранников и гостиничного копа.

Хэддон осушил свой стакан и спросил:

– Ты телевизор смотришь?

– Да вроде. Но не часто. Как по мне, все это телевидение по большей части дерьмо.

– Видел когда-нибудь передачи одного парня, который ловит диких животных?

– Ага. И часто думал, что у него чертовски интересная жизнь, трудная, зато вдали от цивилизации. И что?

– Видел, как тигр засыпает, когда в него выстреливают дротиком со снотворным?

Брейди вопросительно глядел на Хэддона.

– Угу. Ты меня заинтриговал.

– Я тут навел справки у одного своего друга.

Хэддон взял с пола портфель и положил на стол. Обернулся на бармена, который увлеченно читал спортивную газету в пустынном баре, а затем вынул из портфеля предмет, похожий на небольшой пневматический пистолет.

– Он обошелся в кругленькую сумму, Лу, зато работает. Заряжен шестью маленькими дротиками с такой же убойной смесью, какой парни в джунглях усыпляют тигров. Пистолет автоматический. Достаточно лишь прицелиться, спустить курок, и охранник заснет по меньшей мере на шесть часов.

Брейди разинул рот:

– Не верю!

Хэддон улыбнулся:

– Да брось, Лу. Тебе-то уж точно известно, что я умею организовать дело.

– Ты хочешь сказать, что достаточно выстрелить из этого пистолета и человек уснет?

– Именно. Ты хорошо стреляешь, Лу?

– Только не я. Я не люблю оружие. Никогда у меня не было пистолета и не будет.

– Я найду тебе человека, который стреляет без промаха. Он возьмет на себя охранников, будет водить «роллс-ройс» и поможет вынести содержимое сейфов. Нет проблем.

– Ты это серьезно, что снотворное никому не повредит? Не будет никаких последствий?

– Человек засыпает, а через шесть часов просыпается целый и невредимый.

– Ну и ну, что тут еще скажешь! – Брейди смотрел на Хэддона с восхищением. – Ты просто кладезь идей, Эд.

– Ладно, ты пока подготовь все, что нужно. Наверное, мы встретимся в субботу за ланчем. Думаю, в отеле «Морской» в Майами. Я остановлюсь там. Тогда у нас будет еще целый день, чтобы все обговорить. И ты регистрируешься в «Испанском заливе» в понедельник после обеда. Идет?

– Конечно.

– Хорошо. – Хэддон положил пистолет на колено, скрыв его под столом. Сделал знак бармену. – Чтобы ты ни о чем не переживал, Лу, я тебе сейчас продемонстрирую.

Тучный бармен подошел, и Хэддон дал ему десятидолларовую бумажку, сказав, что сдачи не надо. Он посмотрел, как бармен идет обратно к стойке, поднял оружие, прицелился и нажал на спусковой крючок. Раздался слабый хлопок. Бармен вздрогнул, шлепнул рукой по шее и обернулся на Хэддона, который в эту минуту застегивал портфель. Затем колени у бармена подогнулись, и он растянулся на полу.

– Улавливаешь мысль? – спросил Хэддон. – Отлично и быстро сделанная работа.

Брейди, выпучив глаза, смотрел на лишившегося сознания бармена.

– Вытащи дротик у него из шеи, – велел Хэддон, – и пойдем.

Неуверенно поднявшись на ноги, Брейди подошел к бесчувственному бармену, нащупал крошечный металлический дротик, засевший в жирной шее, и выдернул его.

– Ты уверен, что с ним все будет в порядке? – спросил он, протягивая дротик Хэддону.

– Уверен. Давай смоемся отсюда, пока никто не появился.

Бармен захрапел, а эти двое торопливо вышли из заведения под неистово палящее солнце.

Уже лет в четырнадцать Мэгги Шульц представляла серьезную угрозу для мужчин. Теперь же, в двадцать три, она сделалась для них опаснее нейтронной бомбы. Она была красотка, каких поискать, и все фотографии из глянцевого журналов и производители порнофильмов сражались за эту идеально сложенную блондинку. Мэгги сделала карьеру, пройдя все ступени от девочки по вызову до профессионалки, которая может выбирать сама. Познакомившись с Лу Брейди, она влюбилась первый раз в жизни. Брейди иногда недоумевал, как такое случилось, понимая, что Мэгги могла бы выбрать любого. Он соврал ей, что занимается

антикварной мебелью, поэтому постоянно находится в разъездах, но он не возражает, если она переедет в его квартиру в Вест-Сайде в Нью-Йорке, после чего сможет и дальше сниматься в рекламе и спать с богатыми болванами, которые ей платят. Любовь была для Мэгги таким чудом, что она согласилась.

Мэгги помогала, когда они пытались украсть икону. И теперь Брейди решил, что пора выложить карты на стол и посвятить ее в свои воровские дела. Это может оказаться непросто. Мэгги всегда с готовностью ложится в постель с кем угодно, однако Брейди немного сомневался, пойдет ли она с той же легкостью на ограбление. Во время перелета из Джэксонвилла в Нью-Йорк он размышлял над проблемой. Нет, другой девушки, которая смогла бы сыграть сексапильную медсестру так же хорошо, как Мэгги, просто не найти. Он решил, раз она безумно в него влюблена, он сумеет выбрать верный подход и уговорить ее.

Прибыв в аэропорт, Брейди зашел в магазинчик и купил огромную плюшевую панду. Он знал, что Мэгги, помимо норковых манто и бриллиантов, помешана на пандах. Он заранее предупредил ее о своем приезде. И у него едва не лопнули барабанные перепонки, пока она восторженно вопила в телефонную трубку.

Когда Брейди открыл входную дверь, Мэгги в чем мать родила кинулась ему на шею. Несколько секунд она душила его в объятиях. Затем Мэгги заметила игрушку.

– Ух ты! – воскликнула она. – Ой, милый! Это мне?

– И где ты, по-твоему, находишься? В нудистском клубе? – проворчал он, улыбаясь.

Мэгги обняла панду.

– Дорогой! Ты прелесть! Ты не забыл! Обожаю ее! Какая красивая!

Брейди опустил на пол чемодан.

– Не такая красивая, как ты, крошка. Может, займемся делом? – И он прошел в спальню.

Полчаса спустя Мэгги снова тискала панду. Выдохшийся Брейди лежал на спине, размышляя о том, что ни одна женщина, с которой ему доводилось спать, не выматывала его так, как это делает Мэгги.

– Детка, может, выпьем? – спросил он.

– Конечно.

Она выскользнула из кровати, не выпуская панду из рук, а он довольно вздохнул, провожая ее взглядом и любуясь ее прекрасной спиной, упругими круглыми ягодицами и длинными стройными ногами, когда она выходила из комнаты.

И только вечером, когда они вернулись домой после ужина в элитном дорогом ресторане и уселись рядышком, Брейди приступил к агитации.

– Не хочешь провести недельку в Парадиз-Сити? – спросил он невзначай.

Небесно-голубые глаза Мэгги широко раскрылись.

– Ты имеешь в виду тот город, где живут все эти знаменитые миллиардеры?

– Именно.

Мэгги испустила восторженный вопль и бросилась на шею Брейди, который решительно ее отстранил:

– Прекрати, Мэгги! Так ты хочешь поехать со мной?

– Попробуй только меня не взять! Парадиз-Сити! Я столько о нем слышала! Невероятные отели, пальмы, пляжи, рестораны...

– Остынь, Мэгги. Я еду туда работать. Если хочешь со мной, тебе придется мне помогать.

– Конечно я помогу, милый. Для тебя я сделаю все! Ты же знаешь.

– Я безумно люблю тебя, Мэгги. А теперь послушай. Я вовсе не продавец антиквариата.

Мэгги хихикнула:

– Дорогой, я никогда так и не думала. Я как-то раз спала с антикваром. Как только он выдохся, тут же принялся болтать о том, что он продал и кому. И хата у него была битком набита всякими диковинками.

Брейди погладил ее по руке:

– Умница. – Он выдержал паузу и продолжил: – Я профессиональный вор.

Он ждал ее реакции.

Она похлопала глазами, затем кивнула:

– Ты хочешь сказать, что крадешь у богатых и отдаешь бедным? Как Робин Гуд? Я видела старый фильм с Эрролом Флинном² в роли Робин Гуда. Флинн был великолепен.

Брейди вздохнул:

– Забудь про Эррола Флинна. Я краду у богатых и кладу все себе в карман.

Мэгги обдумала его слова, затем снова кивнула:

– Мне всегда казалось, что Робин Гуд какой-то странный. Слушай, милый, я тебе признаюсь: несколько раз, когда какой-нибудь богатый старый урод, трахавший меня, засыпал, я брала из его бумажника тысячу-другую – значит, я тоже воровка, да?

Брейди облегченно выдохнул. Самое трудное позади, и теперь ему осталось только объяснить Мэгги, чего он от нее хочет.

Он пересказал ей план Хэддона по ограблению отеля «Испанский залив». Мэгги выслушала его, и по ее напряженному лицу Брейди с удовлетворением заключил, что она все правильно поняла.

– Наша доля составит по меньшей мере два миллиона, детка, – подытожил он. – Когда я получу деньги, мы поженимся.

Мэгги вздохнула:

– В прошлый раз ты тоже так говорил, но не получил денег, и мы не поженились. Мне досталась только поездка в Швейцарию и часики с бриллиантами. – Она нежно поцеловала его. – Не думай, что я жалуюсь. Мне нравятся часы, и Швейцария была восхитительна.

– На этот раз дело верное, – сказал Брейди. – Все получится.

– Так чего же ты хочешь от меня?

– Я поселюсь в отеле под видом старика в кресле-каталке. А ты будешь моей медсестрой и компаньонкой. Ты будешь сногшибательна в униформе медсестры.

Лицо Мэгги засияло.

– О да! Как здорово! Всегда хотела стать медсестрой. Честное слово, милый! Я люблю помогать богатым старичкам. Правда! Я серьезно!

Брейди с трудом сдержал раздражение. По временам Мэгги казалась ему сущим наказанием.

– Твоя задача – узнать, где находится гостиничный сейф. Тебе придется болтать со служащими и соблазнять гостиничных копов.

Мэгги захлопала в ладоши:

– Это нетрудно!

Глядя на нее, Брейди думал, что ей это точно нетрудно. Мэгги даже Джорджа Вашингтона подняла бы из могилы.

– Так что, детка, поедешь?

– Попробуй только меня не взять! – воскликнула Мэгги и бросилась ему в объятия.

Промотавшись двадцать лет по тюрьмам США, Арт Баннион, которому уже исполнилось пятьдесят, примирился с мыслью, что совершать преступления невыгодно. Поскольку он был знаком со многими криминальными авторитетами, которые тоже сидели за решеткой во время его заточения, и даже сдружился с ними, ему пришла в голову идея о новом занятии, которое поможет другим и принесет прибыль ему. С помощью жены он учредил, наверное, единствен-

² Эррол Лесли Томсон Флинн (1909–1959) – голливудский актер, прославившийся в амплуа отважных героев и благородных разбойников. Секс-символ 1930-х и 1940-х годов. Фильм «Приключения Робин Гуда» вышел в 1938 году.

ное в мире криминальное агентство по найму. В конце-то концов, рассудил он, в Голливуде полно агентств, которые снабжают киномагнатов звездами и статистами, так почему бы не быть агентству, которое подбирает подходящих мужчин и женщин для тщательно спланированного преступления? Первые пять лет он развивал свое агентство, составляя главным образом списки тех, кто сидел вместе с ним и уже освободился, а затем собирал имена тех, кого ему рекомендовали как подающих большие надежды дебютантов.

Все его дела велись по телефону. С девяти до шести он сидел в маленьком офисе в Нью-Йорке, на боковой улице рядом с Бродвеем, курил, почитывая детективы, и дожидался звонка. Его жена Бет сидела в кабинете поменьше и вязала свитеры, которые Арт терпеть не мог, но она заставляла его их носить.

Когда поступал заказ, Бет ловкими пальцами перебирала большой каталог и относила карточки в офис Арта, а уж он снабжал клиента телефонами и адресами тех мужчин и женщин, которые соответствовали заявленным требованиям.

Арт брал десять процентов от той суммы, которую выплачивали мужчине или женщине из его каталога. Это устраивало и клиентов, и Арта, и за несколько лет он заработал приличную сумму и всегда брал наличными, так что налоговая служба не могла наложить на его доходы свои загребушие лапы. Его деятельность прикрывала вывеска на двери, гласившая, что это «Международное общество по изучению Библии». И его не беспокоили ни визитеры, ни полиция.

Этим утром Арт Баннион, худощавый, лысеющий, с носом, которому позавидовал бы и ястреб, сидел, развалившись в кресле, положив ноги на стол, и предавался размышлениям о своем прошлом.

Время от времени, когда ему наскучивали детективы, а телефон упорно молчал, он задумывался о совершенных им ошибках, о своей жизни в многочисленных тюрьмах и даже о матери с отцом.

Его родители были мелкими фермерами, которые охотно горбатились на земле, зарабатывая, по мнению Арта, шиш. У его брата Майка, который был на десять лет моложе, не было Артовых амбиций. Арт ушел из дома в семнадцать, мечтая о легких деньгах и огнях большого города. После года полуголодного существования в Нью-Йорке он связался с двумя парнями, вместе с которыми попытался взять банковский сейф. Арт сел на два года. С тех пор он то и дело пытался срубить денег по-быстрому и делал это настолько скверно, что его постоянно хватали и бросали в каталажку.

Когда родители умерли, его брат Майк вступил в армию и дослужился до сержанта стрелковых войск, что Арт считал какой-то разновидностью низшей формы животной жизни. И все-таки он очень любил своего брата, который никогда не докучал ему, никогда не критиковал, всегда навещал во время отсидок и ни разу не пытался убедить Арта начать новую жизнь. Связь между ними была крепка, и Арт втайне восхищался братом, хотя и держал свои чувства при себе.

Когда Арт наконец-то примирился с тем фактом, что совершать преступления невыгодно, он осмотрелся по сторонам, нашел Бет и женился на ней, маленькой, толстенькой, легкой в общении женщиной сорока лет, отец которой отбывал пожизненный срок за убийство, а мать держала в Новом Орлеане задрипанный бордель. Бет с радостью помогала Арту в этом агентстве по найму криминала и содержала в образцовом порядке их хорошо меблированную и комфортабельную четырехкомнатную квартиру.

Сидя за рабочим столом и размышляя о прошлом, Арт вспомнил о брате, и лицо его погрузнело. У Майка случился настоящий облом – облом, какого Арт не пожелал бы и злейшему врагу. Дослужившись до сержанта, Майк женился. Арт видел жену Майка, Мэри, всего раз, но одобрил его выбор. Она была привлекательной девушкой, и Майк был более чем счастлив.

Майк сообщил новость о своей женитьбе, когда лет шесть назад навещал Арта в тюрьме. Сияя улыбкой, он сказал Арту, что они с Мэри хотят большую семью. Арт заставил себя изобразить радость, хотя и считал, что людям, мечтающим о детях, нужно лечиться.

Потом Майка перевели в Калифорнию, и братья на несколько лет утратили связь. Арт задумывался мимоходом, как там поживает Майк, но письма он писать не любил и был целиком поглощен своим агентством.

И вот, двумя неделями раньше, ему позвонил Майк и спросил, не могут ли они встретиться. В голосе Майка прозвучала какая-то тревожная нотка, и Арт заподозрил неладное. Он предложил Майку прийти к нему домой, однако Майк сказал, что хочет поговорить с Артом наедине.

– Нет проблем, – сказал Арт. – Бет может пойти к подруге. Что-то случилось?

– Вот об этом я и хочу с тобой поговорить, – ответил Майк. – Значит, у тебя, в семь вечера. – И он повесил трубку.

Вспоминая теперь эту встречу, Арт поморщился. Когда он открыл входную дверь, перед ним стоял человек, в котором он с трудом узнал своего брата. Когда он видел Майка в последний раз, то позавидовал его физической форме и той выправке, какая вырабатывается в армии. Теперь же Майк был похож на собственную тень: худой, лицо осунулось, глаза запали, и еще от него настолько веяло отчаянием, что Арт ощутил это почти физически.

Братья устроились в тихой гостиной, это была их первая встреча за прошедшие шесть лет. Майк выложил Арту все в коротких, сдержанных фразах.

Через год после свадьбы родилась девочка. Мэри бросила работу, чтобы нянчиться с ней, с девочкой-дауном, которую назвали Крисси и которой она дарила всю свою любовь и заботу. Им пришлось от многого отказаться и жить только на армейское жалование Майка.

– Господи! – воскликнул Арт. – Даун? И что это еще за хрень?

– Умственно отсталый ребенок, – пояснил ему Майк. – Милая, полная любви девочка, которая никогда не научится писать, которая с трудом говорит, которая навсегда останется обузой... не важно. Она наша, и мы оба ее обожали.

– И что дальше?

Майк надолго устался в пространство, и его отчаяние сделалось еще ошутимее.

– Три недели назад Мэри сбил какой-то водитель и уехал с места преступления.

Арт подался вперед, глядя на брата во все глаза.

– Ты хочешь сказать, что твою жену убили? – вырвалось у него.

– Да.

– Ради бога, Майк! Почему ты мне не сообщил?

Майк пожал плечами:

– Вот, сообщаю.

– Но почему только сейчас? Я мог бы что-то сделать. Я мог бы быть с тобой...

– Никто не смог бы ничего для меня сделать, – ровно проговорил Майк. – Я должен был сам разобраться. У меня нет жены, и у меня на руках Крисси. Я устроил ее в специальное заведение рядом с казармами, чтобы навещать по выходным, а наш домик продал. Заведение, где находится Крисси, хорошее, но дорогое. Я теперь живу в казармах. И до сих пор справлялся.

– Тебе нужны деньги, Майк? Я могу кое-что дать. Сколько тебе нужно? Я сделаю все, что смогу.

– Это не те деньги, какие мне нужны, Арт, – сказал Майк.

– В каком смысле? – удивился Арт. – Да какого черта! Я могу занять тебе денег! Могу дать тебе пару кусков!

– Мне требуется не меньше пятидесяти тысяч, – сказал Майк.

Арт разинул рот:

– Ты спятил? Зачем тебе столько?

– Чтобы обеспечить будущее Крисси. Я говорил с врачом, который заведует тем домом. Он славный парень. Он сказал, что у нее порок сердца. Такое часто бывает с даунами. Крисси проживет всего несколько лет, если мы будем хорошо заботиться о ней, и я знаю, что в этом доме о ней хорошо позаботятся. Это будет стоить больших денег, но их хватит до конца ее короткой жизни.

– Но Майк! Ты же зарабатываешь! И я добавлю. Не обязательно же платить за все сразу. Можно вносить деньги каждый месяц.

Майк кивнул:

– И я на это рассчитывал, но примерно через полгода я умру.

Арт оцепенел. Глядя на брата, на его осунувшееся лицо и запавшие глаза, он ощутил, как холод прошел по спине.

– О чем ты говоришь? Умрешь? Не болтай глупостей! Ты еще долго протянешь.

Майк секунду смотрел на виски в своем бокале, а потом взглянул прямо брату в глаза.

– У меня рак в последней стадии, – проговорил он тихо.

Арт зажмурился. Он чувствовал, как кровь отлила от лица.

Последовало долгое молчание, затем Майк сказал:

– Последние два года у меня время от времени бывали приступы боли. Они появлялись и проходили. Я не рассказывал Мэри. Думал, это пустяк. У людей часто болит что-нибудь, и это ничего не значит, но эти боли не прекращались. Когда я потерял Мэри, боль усилилась, я переживал из-за Крисси и записался на консультацию к специалисту из Норпорта на Лонг-Айленде. Потому я и приехал. Два дня назад я был у него на приеме. Он сказал, что жить мне осталось примерно полгода. И через пару месяцев мне придется лечь в госпиталь, откуда я уже не выйду.

– Боже! Не может быть! – воскликнул Арт. – Да этот шарлатан наверняка ошибся!

– Нет. Забудь об этом. Давай поговорим о деле, Арт, – сказал Майк. Он смотрел брату прямо в глаза. – Ты рассказывал мне, чем теперь занимаешься: находишь исполнителей преступления. Другого способа достать пятьдесят тысяч за те несколько месяцев, которые мне остались, нет, и я готов попробовать. Мне плевать, что придется делать, если мне заплатят пятьдесят тысяч. Ради Крисси я пойду даже на убийство. Сможешь подыскать мне работу, за которую дадут пятьдесят штук?

Арт вынул платок и промокнул вспотевший лоб.

– Я не знаю, Майк. Я понимаю ход твоих мыслей, но работа за пятьдесят штук подворачивается нечасто. Ты дилетант. У полиции на тебя ничего нет. Мои люди не захотят иметь с тобой дело. Работу, за которую дают так много, придерживают для семьи, так сказать.

– Брось, Арт, – сказал Майк, – я рассчитываю на тебя. Какая бы ни была работа, я ее сделаю, и сделаю хорошо. Я взял отпуск по болезни на месяц. Останусь здесь, пока ты не найдешь что-нибудь. Я живу в гостинице «Мирадор». – Он поднялся на ноги. – Что угодно – повторяю, что угодно, – если заплатят пятьдесят штук. Подумай об этом, Арт. Я полагаюсь на тебя. Ладно?

Арт кивнул:

– Я сделаю все, что в моих силах, но не могу ничего обещать.

Майк пристально посмотрел на него.

– Когда у тебя бывали плохие времена, – сказал он, – я оставался на твоей стороне. Теперь я жду, что ты останешься на моей. Пока что прощай.

И он ушел.

Арт сделал все возможное, но его постоянные клиенты не желали иметь дело с дилетантом, и этим утром он сидел за столом, отчаявшись найти работу, за которую его брату заплатят пятьдесят тысяч. Он размышлял, не продать ли акции, но знал, что Бет будет против. Он уже обсудил с ней ситуацию, и она не проявила сочувствия.

– Слабоумных детишек надо душить в колыбели, – заявила она. – И кое-чего ты не делаешь, Арт: не смей продавать акции, чтобы дать денег Майку. Это ясно?

После появления брата прошла неделя. Арт не получал от него вестей, но его неотступно преследовали эти запавшие глаза и этот отчаянный взгляд. Прервав поток его горестных мыслей, Бет просунула голову в дверь кабинета.

– На проводе Эд Хэддон, Арт, – сказала она.

Арт напрягся. Хэддон был самым прибыльным его клиентом. Он подбирал для Хэддона многих высокочеловеческих воров, и Хэддон платил щедро.

Подняв трубку, он произнес:

– Привет, мистер Хэддон! Рад вас слышать. Могу чем-нибудь помочь?

– Я не стал бы звонить ради того, чтобы просто услышать твой голос, – отрезал Хэддон. – Мне нужен человек: приятный внешне, меткий стрелок, который сможет сыграть роль водителя «роллс-ройса».

Арт сделал глубокий вдох. Словно специально для Майка.

– Без проблем, мистер Хэддон. У меня есть именно такой человек. А что за дело?

– Крупное. Плачу шестьдесят тысяч.

Арт закрыл глаза. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Нет проблем, мистер Хэддон.

– И что у тебя за человек?

– Мой брат. Он отличный стрелок и нуждается в деньгах. На него можно положиться.

– Что на него есть у полиции?

– Ничего, мистер Хэддон. В данный момент он сержант-инструктор по стрелковой подготовке в армии. Выглядит хорошо, говорит складно и уж стрелять умеет. – Арт так разволновался, желая пристроить брата, что добавил: – Я ручаюсь за него, мистер Хэддон.

Он пожалел о сказанном в тот же миг. Откуда ему знать, что Майк сделает все, как захочет Хэддон? Тот не ведал жалости. До сих пор Арту удавалось ему угодить, но он знал наверняка, что один промах – и Хэддон больше не станет иметь с ним дел. Все агентство Арта держалось за счет его связи с Хэддоном. Если Хэддон уйдет от него, уйдут и все остальные клиенты. Он pokrылся холодной испариной, но что сказано, то сказано, обратной дороги нет.

Хэддон произнес:

– Мне подходит. Если ты ручаешься за своего брата, мне этого достаточно. Хорошо, пусть в воскресенье, двадцать третьего числа, в десять утра подойдет к Корнелиусу Вэнсу в отель «Морской», это в Майами.

– А оружие?

– Вэнс сам ему даст. Кстати, Баннион, никакого насилия не будет. Никого не убьют, но стрелок мне нужен превосходный.

– Когда расчет, мистер Хэддон?

– Как только будет сделана работа. Придется подождать пару месяцев. Дело крупное, Баннион. Если подведешь, вылетишь из бизнеса. – И Хэддон повесил трубку.

Бет вихрем ворвалась в кабинет.

– Я все слышала! – выпалила она с пылающим лицом. – Ты что, из ума выжил? Этого тупоголового служаку? Да у нас в картотеке полно отмененных стрелков. Зачем брать его, паршивого дилетанта?

Арт сверкнул на нее глазами:

– Он мой брат! Ему нужна помощь. Пошла вон!

Когда Бет, чертыхаясь, вышла, Арт набрал номер гостиницы «Мирадор» и попросил к телефону мистера Майка Банниона. Он предполагал, что брата не окажется в номере в такое чудесное солнечное утро, однако Майк сразу же подошел.

Арт подумал: «Бедняга просидел все это время в тоскливом гостиничном номере, дожидаясь моего звонка. Что ж, у меня для него хорошие новости».

Когда Арт выложил ему все, Майк произнес дрогнувшим от волнения голосом:

– Я знал, что могу рассчитывать на тебя, Арт. Я бесконечно обязан тебе. И я не подведу, выезжаю сразу же, но мне нужны деньги.

– Все в порядке, Майк. Я пришлю тебе в гостиницу три тысячи наличными. На шоферскую униформу не скупись. Она должна выглядеть как надо. Мой клиент – важная шишка.

Последовала долгая пауза, затем Майк спросил:

– Но при этом никого не убьют?

– Так сказал клиент.

– Отлично, Арт, и большое тебе спасибо. Можешь на меня положиться.

Когда Майк повесил трубку, Арт откинулся на спинку стула, не зная, считать ли себя отныне святым или олухом царя небесного.

Глава вторая

Анита Сертес вошла во вторую ванную люкса на верхнем этаже отеля «Испанский залив», морально готовясь к тому, что, как она знала, там увидит. Люкс в пентхаусе, самый роскошный и самый дорогой номер в гостинице, занимал Уилбер Уоррентон, сын техасского миллиардера Сайласа Уоррентона, недавно женившийся на Марии Гомес, латиноамериканке, чей отец владеет несколькими серебряными шахтами. Уилбер решил, что Парадиз-Сити – самое подходящее место для медового месяца, и Мария, которой было нелегко угодить, согласилась.

Уилберу было двадцать девять лет, но он пока еще не вошел в правление «Техасской нефтяной корпорации», которую возглавлял его отец. Он отучился в Гарварде, защитив диплом магистра по экономике, провел год в армии майором (танковые войска), путешествовал по миру на одной из яхт отца, познакомился с Марией, влюбился и женился. По завершении медового месяца ему предстояло сделаться одним из десяти вице-президентов обширной нефтяной империи.

Его отец Сайлас Уоррентон, суровый нефтяник, не питал любви ни к кому, кроме сына. Жена Сайласа умерла спустя несколько лет после рождения Уилбера, и Сайлас, по-настоящему любивший ее, перенес все свои чувства на сына. Когда Уилбер сообщил отцу, что намерен жениться, и представил Марию, Сайлас окинул ее задумчивым взглядом. Ее смуглая кожа, стройное тело с чувственными изгибами, большие манящие глаза и твердый рот вселили в него сомнения, но он знал о миллиардах ее отца, поэтому лишь мысленно пожал плечами. Если его сын желает жениться на этой крале, он не станет возражать. В конце концов, сказал он себе, она стоит того, чтобы с ней спать, а развестись нетрудно. Поэтому он одарил Марию кривоватой улыбкой, похлопал по плечу и заявил:

– Я хочу внуков, моя дорогая. Не подведите меня.

Мария решила, что он самый ужасный и вульгарный старик на свете. И даже когда Уилбер, в свою очередь, намекнул, что хочет детей, она взглянула на него с холодком:

– Позже. Давай просто побудем счастливыми и свободными, пока мы молоды. От детей всегда проблемы.

Анита Сертес была одной из многочисленных горничных, работавших в отеле «Испанский залив». Двадцатитрехлетняя кубинка, она была коренастой и смуглой, с волосами цвета воронова крыла. В отеле она проработала уже год. В ее обязанности входили уборка ванных комнат, ежедневная смена постельного белья и поддержание чистоты в номере.

С ванной Уилбера Анита уже управилась. Там не было проблем. Он даже складывал за собой банные полотенца, не оставляя никакого беспорядка, но вот ванная комната Марии заставляла Аниту клокотать от сдержанной ярости. Что за засранка эта избалованная богачка! – так думала Анита, оглядывая бардак, который ей теперь приходилось подчищать каждый день.

На полу валялись насквозь мокрые полотенца. (Она что, берет их вместе с собой в ванну? – недоумевала Анита.) На зеркалах следы пудры и туши для ресниц. Плитки пола испачканы раздавленной помадой. В унитазе не смыто.

Богачка! – негодовала Анита, собирая мокрые полотенца. Да если бы у Аниты было столько миллионов, сколько у этой стервы, ей бы и в голову не пришло оставлять после себя ванную в таком омерзительном виде.

Пока она работала, ее мысли переключились на Педро, ее мужа. Они были женаты два года. Приехали по настоянию Педро во Флориду в надежде улучшить свое финансовое положение, поскольку в Гаване им жилось трудно. Аните повезло получить работу горничной в «Испанском заливе», но вот Педро перебивался случайными заработками, подметал улицы, а за это платили мало.

Педро казался Аните самым красивым мужчиной на свете, такой стройный и темноволосый. Она любила его самозабвенно и ревностно, мирясь с его скверным характером и постоянным нытьем и отдавая ему все, что удавалось заработать. Они жили в однокомнатной квартире в Сикомбе, одном из пригородов Парадиз-Сити, где селились рабочие. Она была по уши влюблена в Педро, поэтому ей и в голову не приходило, что он настоящий паразит.

Проведя на улице несколько дней с метлой и тележкой для мусора, он сдался. Единственной его мыслью было вернуться на маленькую плантацию сахарного тростника, принадлежавшую отцу, хотя всего год назад его единственной мыслью было уехать оттуда. Анита, выслушивая его горестные жалобы, целовала его, убеждая, что для него непременно найдется что-нибудь стоящее. А резать сахарный тростник – не способ заработать на жизнь. Она будет работать больше, она их обеспечит. Педро в ответ улыбался. Ладно, значит, они подождут.

Пока она трудилась, приводя ванную в порядок, она думала о том, чем занят сейчас Педро. Он сказал, что побродит по улицам, попытается найти работу, но она сомневалась. К концу каждой недели он тратил все деньги, которые она зарабатывала. Очень часто денег не хватало, чтобы купить достаточно риса, и тогда он принимался ныть. Анита из любви к нему обещала работать еще больше.

Она старалась вернуть ванную комнату Марии Уоррентон в безукоризненное состояние, а Педро Сертес сидел в захудалом баре в Сикомбе. С ним был Роберто Фуэнтес. Оба пили пиво. Фуэнтес, тоже кубинец, последние три года жил в Сикомбе. Низенький, непомерно толстый человек с недобрыми блестящими глазками, он зарабатывал на жизнь в порту мытьем и обслуживанием многочисленных яхт богатей.

Педро ему нравился, и Фуэнтес выслушивал его вечные жалобы. В этот вечер он решил, что Педро созрел до дела, с которого Фуэнтес намеревался получить три тысячи долларов. Фуэнтес был твердо убежден, что риск не для него. Если можно разбогатеть на три тысячи, а рисковать при этом будет кто-то другой, тогда идея стоит обсуждения.

Понизив голос, он заговорил:

– Педро, не хочешь подзаработать тыщонку?

Педро повертел бокал с нагретым пивом, затем поднял глаза на Фуэнтеса:

– К чему такие вопросы? Тысяча долларов? С такими деньгами я бы мог вместе с женой вернуться на ферму отца. А почему ты спросил?

Фуэнтес улыбнулся. Улыбка промелькнула стремительно, словно змеиный язык.

– Так это можно устроить. Зависит от тебя. Тысяча долларов! Неплохо, а?

Педро кивнул:

– Более чем. Рассказывай дальше.

– Знаешь, где я живу на Корал-стрит? Большой дом, в котором сдаются квартиры?

– Знаю.

– В доме семьдесят квартиросъемщиков. Каждый платит шестьдесят долларов в неделю. В сумме четыре тысячи двести долларов. Верно?

– Ну и?.. – уточнил Педро.

– Мы с тобой можем забрать эти бабки. Тебе это будет не труднее, чем трахнуть собственную жену.

Глаза Педро сузились. Легкая тысяча долларов!

– Продолжай, – сказал он. – Ты меня заинтересовал.

– В этом доме живет Абе Леви. Он работает на владельцев. Он там и дворник, и сборщик арендной платы. Каждую пятницу он ходит из квартиры в квартиру и собирает деньги за жилье: четыре тысячи двести долларов. Потом возвращается к себе, составляет отчет, а на следующее утро относит деньги в контору. Он делает так уже много лет. Я наблюдал за ним. Этот Леви жалкий трус. Если помахать у него перед носом пистолетом, он хлопнется в обморок. Он жирный и старый. Нам только и нужно, что войти к нему, когда он пересчитывает

деньги, показать ему ствол, и у нас будет четыре тысячи двести долларов. Говорю тебе, Педро, это легко и просто.

Глаза Педро засияли.

– Мне нравится, – сказал он. – Значит, завтра?

– Да. – На лице Фуэнтеса снова промелькнула змеиная улыбка. – Но с Леви придется разбираться тебе. Если я войду, он меня узнает, а тебя с пистолетом он увидит первый раз в жизни. Я останусь за дверью, а ты все сделаешь, идет?

Глаза Педро утратили блеск. Он с минуту подумал, а потом помотал головой:

– Значит, ты рискуешь не собираешься, а я все сделаю, так?

– Нет там никакого риска. – Фуэнтес подался вперед и похлопал Педро по руке. – Ты войдешь, помашешь пистолетом, Леви грохнется в обморок, ты заберешь деньги, и мы оба счастливы.

– За это я хочу две тысячи, – твердо сказал Педро.

Фуэнтес поморщился:

– Я предлагаю тебе возможность заработать, потому что мы друзья. Я мог бы предложить это кому-то другому. Ведь это так просто. Нет. О двух тысячах не может быть и речи.

– Полторы, или ты идешь искать кого-то другого.

Фуэнтес поколебался, затем по-змеиному улыбнулся:

– По рукам. – Он снова подался вперед. – Давай обсудим детали.

Когда Анита поднялась на пять лестничных пролетов и вошла в их однокомнатную квартиру, Педро валялся на кровати с сигаретой в зубах и с довольной ухмылкой на лице.

Анита была свободна до восьми вечера, когда ей придется вернуться в отель, чтобы снова драить люкс в пентхаусе. На часах было пять, она чувствовала себя усталой и подавленной, однако, увидев Педро таким довольным, вся засветилась.

– Ты нашел работу! – воскликнула она. – Вижу по лицу!

– В субботу мы возвращаемся в Гавану, – заявил Педро. – У меня будут деньги на самолет и еще останется, чтобы помочь отцу.

Анита внимательно посмотрела на него:

– Но этого просто не может быть!

– Может. – Он сунул руку под подушку и вытащил револьвер 38-го калибра, который дал ему Фуэнтес. – С этой штукой возможно все.

Анита села, ощутив дурноту. Она уже некоторое время подозревала, что Педро решится на какое-нибудь безрассудство.

– Дорогой, умоляю! Так нельзя!

Педро сунул оружие обратно под подушку.

– С меня хватит! – На его худощавом лице отразилась злость. – Я должен достать денег, чтобы вернуться домой. Мы обсудили это с Фуэнтесом. Никакого риска. В субботу я улечу. Если хочешь остаться – оставайся. Я вернусь домой, и у меня будут полторы тысячи. Это мое последнее слово.

– Риск всегда есть, – произнесла Анита дрожащим голосом.

– Но не в этот раз. В субботу мы улетаем. А теперь дай мне пожрать.

Анита успела подружиться в «Испанском заливе» с помощником шеф-повара. Изредка она позволяла ему запускать руку себе под юбку, просто так, а он, в свою очередь, отдавал ей остатки со стола: кусочки отличного стейка, кусочки курицы, а иногда даже порцию фруктового пирога. Когда она упала на стул, глядя на Педро во все глаза, то прижала к груди полиэтиленовый пакет от повара, на который Педро с жадностью смотрел все это время. Он с утра ничего не ел.

– Ты действительно пойдешь на преступление, дорогой? – спросила Анита.

– Ты слышала! Дай мне пожрать!

Она медленно поднялась со стула и на шатких ногах отправилась в крошечную кухню.

Детектив первого класса Том Лепски любил пятницы. Если только не случится что-нибудь непредвиденное, а в Парадиз-Сити такое случалось редко, он распишется в журнале и отправится домой на все выходные. Да, конечно, дома Кэрролл, его жена, и она будет капать ему на мозги, чтобы он подстриг лужайку, зато он уйдет из этого кабинета, а даже работа по дому кажется пустяком по сравнению с томительным ожиданием преступления.

Лепски посмотрел на часы. Еще десять минут, и он уйдет. Кэрролл обещала, что на ужин будет пирог с цыпленком и ветчиной. Лепски любил поесть, а пирог с цыпленком и ветчиной входил в число самых любимых его блюд.

Макс Джекоби, детектив второго класса, отстукивал на машинке рапорт по поводу угнанной машины. Они с Лепски отлично работали в паре.

– Пирог с цыпленком и ветчиной! – воскликнул Лепски. – Боже! Обожаю этот пирог!

Джекоби оторвался от печатной машинки.

– Иногда я тебе завидую, Том, – сказал он. – Жениться на такой великолепной девушке, как Кэрролл! Вот когда я выйду из участка, то отправлюсь к Фунг У за едой на вынос... эх!

Лепски приосанился:

– Пора тебе жениться, Макс. Вся эта дрянная жратва не для меня. У Кэрролл крышу снесет, если она представит себе, как я ем такую гадость.

– Догадываюсь. – Джекоби вздохнул и вернулся к печатной машинке.

У Лепски на столе зазвонил телефон. Он схватил трубку и прорычал:

– Детектив Лепски! Чего вам?

– Лепски! Обязательно так грубить и так орать?

Лепски застонал, узнав голос жены.

– О, это ты, милая, – проговорил он, сбавляя тон.

– Да, это я, – подтвердила Кэрролл. – Слушай, Том, ты бы действительно был повежливее, когда снимаешь трубку.

– Ладно. – Лепски ослабил узел на галстук. – Буду дома через двадцать минут. Как там поживает пирог?

– Я по этому поводу и звоню. Ко мне тут заходила Мэвис. Она рассказывала мне о своем муже. Честное слово, Том, этот тип позволяет себе такое! Я просто сидела и слушала, лишившись дара речи.

Лепски встревоженно поерзал на стуле:

– Ладно, расскажешь мне подробности, когда я вернусь. Как там пирог-то?

Последовала пауза, а потом Кэрролл сказала:

– Случилась маленькая неприятность. Пока Мэвис рассказывала мне про Джо, я совсем забыла, что у меня в духовке пирог. Подумать только, что с ней вытворяет этот мерзавец! Ты не поверишь! Я просто лишилась дара речи!

Лепски забарабанил пальцами по столу:

– И ты забыла чертов пирог в духовке?

– Не чертыхайся, Лепски. Это неприлично.

Лепски схватил карандаш и переломил его пополам.

Джекоби перестал печатать и уселся поудобнее, слушая разговор.

– Так что случилось с пирогом? – прорычал Лепски.

– Мне не нравится, когда ты кричишь. Я звоню сказать, чтобы ты заехал к Фунг У за едой на вынос и привез что-нибудь, – сказала Кэрролл. – Иначе у нас на ужин не будет ничего. – И она отключилась.

Лепски с грохотом опустил трубку на рычаг и зыркнул на Джекоби, который тут же принялся печатать дальше. Громко сопя, Лепски выскочил из кабинета.

Когда он зашел в дежурку, чтобы расписаться в журнале, появился сержант Джо Биглер, крупный, мясистый человек с веснушчатым лицом. Он оставался в управлении за главного, когда отсутствовал шеф полиции Фред Террелл.

– У меня для тебя задание, Том, – сказал сержант.

Лепски сверкнул на него глазами:

– Я уже ухожу!

– Тебе понравится, Том. Я мог бы поручить это Максу, но решил, что лучше тебе.

– Поручи Максу. Мне надо купить что-нибудь к ужину! Кэрролл сожгла мой пирог с цыпленком и ветчиной!

– Если я отдам дело Максу, ты мне никогда не простишь, – сказал Биглер, широко улыбаясь.

– И что там еще за дело? – спросил Лепски, заинтересовавшись.

– Только что поступила жалоба на «Стринг-клуб», – сказал Биглер. – Некая миссис Абрамс вчера вечером повела туда мужа. Она утверждает, что девушки были без стрингов.

Лепски выпучил глаза:

– Ты хочешь сказать, они расхаживали в чем мать родила?

– Так утверждает миссис Абрамс. Том, эту жалобу нельзя оставлять без внимания. Ты бы поговорил с Гарри. Если слухи дойдут до мэра, он прикроет клуб.

– Вот этого бы не хотелось, – сказал Лепски.

– Просто предупреди его, ладно?

– Обязательно. Без стрингов, значит? Что старой кошелке отравы, другим – меда, – сообщил Лепски, и глаза его засияли. – Сделай мне одолжение, Джо. Позвони Кэрролл. Скажи, что я не приду. Скажи, что я выехал на ограбление.

– Положись на меня, – сказал Биглер, который хорошо знал Кэрролл. – Я уж распишу тебя настоящим героем.

– Только не перестарайся, Джо. Кэрролл догадливая. Просто скажи, что меня вызвали на дело об ограблении. Сделаешь?

– Положись на меня, Том.

Гарри Аткин, владелец «Стринг-клуба», был добрым другом полиции. А его клубу, расположенному в Сикомбе недалеко от центра, покровительствовали важные люди.

Когда богачам приходила охота пройтись по трущобам, они просиживали ночи в этом клубе, где была отличная морская кухня, а блюда подавали великолепные девушки топлес и в стрингах. Заведение процветало.

Лепски время от времени, оказываясь в этом районе, заходил в клуб поболтать с Гарри, пропустить пару стаканчиков дармовой выпивки и восхититься девушками, прежде чем ехать дальше по делам. Кэрролл он об этом не рассказывал, понимая, что она не одобрит.

Примерно без четверти восемь он приехал в клуб и спустился по лестнице в большой зал, который надраивали трое негров, подготавливая его к вечернему веселью. Гарри Аткин, невысокий, толстый человечек с пронзительно-рыжими волосами, сидел за барной стойкой, читая вечернюю газету. Он поднял голову и заулыбался, увидев Лепски:

– Привет, Том! Несколько недель тебя не видел. Как дела?

Лепски забрался на барный стул, пожал Гарри руку и сдвинул шляпу на затылок.

– Отлично, – сказал он. – А у тебя?

– Лучше не бывает. Сегодня ждем огромную толпу. И вчера была огромная толпа.

Он потянулся за бутылкой «Катти Сарк», зная, что это любимый виски Лепски, налил большую порцию, добавил лед и толкнул стакан по стойке.

– Гарри, – сказал Лепски, сделав долгий глоток, – тут жалоба поступила.

Гарри кивнул:

– Я так и думал, Том. Ты же знаешь, как это бывает. Старая карга миссис Абрамс нажаловалась, да?

– Точно. Что случилось, Гарри? Она заявила, что твои цыпочки ходят без стрингов. – Лепски осклабилась. – Хотел бы я на это посмотреть, только так делать нельзя. Ты испортишь себе репутацию.

– Она лжет. Я расскажу тебе, как было дело. У нас гуляла пара богатых выпивох, сидели за соседним столиком со старой каргой и этим козлом, ее муженьком. Лулу подавала Абрамсам рыбный суп и наклонилась, стоя задом к пьяницам.

Лепски, видевший Лулу и считавший, что у нее самая аппетитная пятая точка во всем клубе, кивнул.

– И тут один из этих весельчаков перерезал на Лулу стринги, и проклятая тряпка полетела прямо в суп старой ведьме! – Гарри расхохотался. – Ну черт побери! Мадам в истерике, у ее муженька первый раз за сто лет стояк, а Лулу прикрывает причинное место. Пьянчуги повеселились от души. На самом деле все в заведении повеселились, кроме старой кошелки.

Лепски тоже хохотал, утирая глаза:

– Здорово! Ну что б мне оказаться здесь в тот момент!

– Точно. Я убрал Лулу с глаз долой, попытался умаслить старую ведьму, но она сгребла в охапку муженька и ушла, вопя на ходу, что подаст жалобу мэру.

– Ладно, Гарри, расслабься. Я напишу рапорт. Не бери в голову. Когда я расскажу ребятам в управлении, они животики надорвут. Другие девушки стринги не теряли?

– Ты должен знать, Том: у меня работают приличные девушки, – серьезно сказал Гарри. – Последнее, что они потеряют, – свои стринги.

Лепски засмеялся:

– Да ради бога, Гарри, что же еще им терять? – Он допил виски, поглядел на часы, увидел, что уже перевалило за восемь, и вспомнил, что ему надо купить еды. – Сделай мне одолжение, Гарри. Кэрролл спалила пирог, который мы собирались съесть на ужин. У тебя не найдется пиццы?

– Даже не думай об этом. Для тебя, Том, я достану настоящую еду. Как насчет цыпленка в грибном соусе с белым вином? Все, что нужно будет сделать твоей хозяйке, – поставить его в духовку на двадцать минут.

Глаза Лепски заблестели.

– Звучит потрясающе.

– Ладно. Ты пока выпей еще. Я договорюсь с Чарли.

Когда Гарри спешно вышел, Лепски потянулся к бутылке «Катти Сарк». Бывают же моменты, подумал он, когда работа копа приносит пользу.

Чья-то прохладная рука легла ему на запястье.

– Позвольте, я налью вам, мистер Лепски.

Подняв голову, Лепски увидел перед собой небольшую грудь с розовыми, словно изнанка морской раковины, сосками и обнаружил, что ему улыбается девушка в одних только стрингах и черных туфлях на шпильке.

– Я Мэриан, – представилась девушка, и ее длинные ресницы затрепетали. – Вы уже слышали о Лулу? Ну не ужас ли?

Лепски открыл и закрыл рот, не издав ни звука. Он не сводил глаз с этого безупречного миниатюрного тела рядом с собой.

Мэриан, улыбаясь, налила ему виски, добавила лед и вложила бокал ему в руку.

– Мистер Лепски... – сказала она, усаживаясь на высокий стул рядом с ним. – Я считаю, и все остальные девочки тоже так считают, что вы самый красивый коп у нас в городе. Вы знаете об этом?

Лепски просиял. «Работа в полиции! – подумал он. – Да кто отказался бы стать копом?»

На другой стороне улицы, напротив «Стринг-клуба», стояла многоэтажка с одно- и двухкомнатными квартирами, предназначенными исключительно для рабочих. Абе Леви ненавидел пятницы. Этот сбор арендной платы медленно загонял его в гроб. Постоянно кто-нибудь принимался хныкать, что не может заплатить, и Абе Леви постоянно приходилось проявлять твердость, что было вовсе не в его характере. Синдикат, управлявший многоэтажкой, запрещал любые отсрочки. Если болваны-жильцы не могут найти денег – выгонять. Абе было больно сообщать подобное. Ему хотелось быть с жильцами в добрых отношениях, но как такое возможно, если приходится им угрожать?

– Послушайте, – обычно оправдывался он, – не вините меня. Платите, или вас выселят. Так говорит босс. Я тут совершенно ни при чем.

Чтобы выжать арендную плату из такого количества жильцов, требовалось много времени, и, когда Абе Леви добрался до последней квартиры, с боем забирая деньги, время уже близилось к девяти. Ему хотелось лишь вернуться в свою двухкомнатную квартиру на первом этаже и поужинать.

Абе Леви был грузным евреем с копной седых волос и кустистой бородкой. Жизнь не была к нему милосердна. В юности он помогал отцу продавать фрукты с тележки. Позже женился на девушке, которая горбатилась на швейной фабрике. Когда родители умерли, он забросил торговлю фруктами. Один приятель предложил ему работу по сбору арендной платы. Это было гораздо лучше, чем топать по улицам, толкая тяжелую тележку. Два года назад его жена умерла. Детей у них не было. Абе Леви коротал одинокие вечера перед телевизором, а раз в неделю посещал еврейский клуб, где его всегда встречали приветливо.

Входя в лифт, он с тоской подумал о своей жене Ханне. У Ханны всегда был готов для него горячий ужин. А сегодня вечером ему придется довольствоваться одной лишь маринованной рыбой, но зато по телевизору показывают неплохой сериал.

Он вынес из лифта мешок для сбора денег, теперь набитый банкнотами и монетами, и побрел по длинному темному коридору к своей двери. Две лампочки в коридоре не горели. Придется заняться этим перед ужином, устало подумал он. Поддерживать порядок в многоэтажке входило в его обязанности.

Подойдя к двери квартиры, он нащупал ключ, отпер дверь и вошел в гостиную. Рука зашарила в поисках выключателя, он нажал, но так и остался стоять в темноте. Абе застонал про себя. Чертовы пробки вылетели! А это значит, что придется тащиться в подвал.

Абе был человек предусмотрительный. Он всегда был готов к экстренным случаям. На маленьком столе в гостиной у него лежал яркий фонарик. Он искал его на ощупь, когда получил мощный удар между лопаток, отбросивший его в темноту. Под колени его стукнул подлокотник кресла, стоявшего перед телевизором, он пошатнулся и растянулся на полу, но даже в болезненном падении не выпустил из рук мешок с деньгами.

Все это время Педро Сертес поджидал в засаде, часто дыша и чувствуя, как сильно колотится сердце. Он выкрутил одну лампочку в коридоре, обмотал цоколь кусочком фольги и вкрутил обратно, обесточив квартиру Абе и коридор. Он был совершенно уверен в себе. Фуэнтес описал еврея как человека бесхребетного, который упадет в обморок при виде оружия. Педро прихватил с собой не только револьвер, который дал ему Фуэнтес, но еще и электрический фонарик.

– Не двигаться! – рявкнул он теперь, щелкая фонариком: луч света попал на его револьвер и высветил Абе, который пытался сесть на полу. – Брось мне мешок!

Абе занимался сбором арендной платы долгое время. И ни разу его не пытались ограбить. Один коп как-то предостерег его: «Абе, все когда-нибудь случается в первый раз. Твои хозяева хотят, чтобы ты носил оружие. Вот твое разрешение, а вот пистолет. Я покажу тебе, как с ним обращаться». И тот коп был хорошим учителем.

Так и не поверив, что ему когда-нибудь пригодится оружие, Абе сказал себе, что, если нападение произойдет и вор сбежит с деньгами, сам он лишится не только работы, но и жилья. Его босс озвучил это без утайки: «Приноси ренту, или вылетишь». И потому Абе отнесся к разговору об оружии серьезно. Он никогда еще не стрелял, но знал, что делать: снять с предохранителя, взять двумя руками и нажать на спусковой крючок.

– Мешок! Живо! – рыкнул Педро из темноты.

Теперь Абе уже сидел, сжимая мешок и глядя на яркий свет, из-за которого он не видел человека, орущего на него.

– Забирай, – сказал он и толкнул мешок на источник звука.

Мешок был тяжелый, он сдвинулся всего на пару футов по жесткому, потертому ковру.

Педро уставился на мешок, ощущая, как его захлестывает волна торжества. Завтра они с Анитой сядут в самолет и отправятся домой. Как будет счастлив его отец, когда снова увидит его! Мысли Педро катились, словно ртутные шарики. С Фуэнтесом они условились, что, как только деньги будут у Педро, он метнется на второй этаж, в квартиру Фуэнтеса. Еврей, обезумев от ужаса, решит, что вор выбежал из здания, и когда копы приедут, то начнут искать человека с коричневым мешком на улицах. И тут в голову Педро закралась еще одна мысль. А что, если он не побежит к Фуэнтесу, а кинется на улицу? Предположим, он оставит все деньги себе? Четыре тысячи двести! Придется сделать так, чтобы еврей пока помолчал. Ударить по голове! Точно! После чего он уйдет к себе домой, и Фуэнтес никак не сможет ему помешать.

Педро двинулся к мешку, трепеща от волнения, и отвел взгляд от Абе, светя фонариком только на мешок. Абе запустил руку под пиджак. Пальцы сомкнулись на рукоятке пистолета. Он выдернул оружие, когда Педро схватил мешок.

Абе большим пальцем нажал на предохранитель, поднял пистолет и спустил курок. От вспышки света и грохота оба они вздрогнули. Педро ощутил, как что-то опалило щеку, а потом щека стала мокрой. Свет его фонарика падал прямо на Абе, который пытался подняться на ноги. Педро вскинул револьвер и в панике нажал на спусковой крючок. Он ощутил, как оружие дернулось в руке, услышал грохот, а затем с ужасом увидел, как у Абе в центре лба расплылось кровавое пятно, увидел, как Абе вздрогнул и упал.

Педро, оглушенный грохотом двух выстрелов, стоял неподвижно, едва дыша, понимая, что он убил еврея.

До сознания дошла пугающая мысль: он убил человека! Ты спускаешь курок, и человек умирает! От охватившей его паники заledenела кровь. Он думал только о себе. Если его схватят, он проведет остаток дней за решеткой, как зверь в клетке! Не будет ни Аниты, ни счастливого отца, ни жаркого солнца на тростниковой плантации.

Он услышал голоса. Двери открывались с грохотом. Закричала какая-то женщина.

Фуэнтес! Надо к нему! Подхватив мешок левой рукой, прижимая к себе револьвер правой, понимая, что кровь заливает ему лицо, Педро вышел из квартиры Абе, стараясь сдерживать панику.

Фуэнтес, поджидавший у приоткрытой двери, услышал два выстрела и съежился. Он услышал, как распахиваются двери. Увидел, как несколько жильцов второго этажа столпились в дальнем конце коридора.

Чертов придурак провалил все дело! Лишь бы только он не убил еврея! Фуэнтес подошел к группке соседей, которые смотрели вниз, на лестничный пролет, и громко переговаривались, какая-то женщина даже визжала. Он увидел, как Педро с окровавленным лицом поднял голову, поглядев прямо на него. Фуэнтес спрятался за спины соседей. Педро окинул взглядом напряженные лица людей, тарачившихся на него сверху, и понял, что спасения нет. Все еще прижимая к себе коричневый мешок, он побежал к выходу на улицу.

Лепски протянул руку к большой картонной коробке, которую Гарри опустил на барную стойку.

– Том, там цыпленок и еще лапша. У тебя будет отличный ужин.

Лепски светился улыбкой.

– Боже! Кэрролл с ума сойдет! Огромное спасибо.

Когда Мэриан соскользнула со стула, он похлопал ее по мягкому месту. А в следующую секунду услышал выстрелы. Лепски мгновенно превратился в стопроцентного копа. Он соскочил со стула и рванулся к выходу. Когда он выбежал на улицу, в его руке уже был револьвер.

Грохот выстрелов успел взбудоражить всех. Машины тормозили, взвизгивая покрышками. Народ стоял, разинув рты и глядя на дверь многоэтажного дома.

В этот момент Педро вышел на улицу. При виде его залитого кровью лица и оружия в руке толпа бросилась врассыпную. Женщины закричали, кто-то из мужчин нырнул в проулок.

Лепски посмотрел на другую сторону улицы и увидел Педро, который пустился бежать. Лепски, прячась за остановившимися машинами, стремительно кинулся за ним.

Педро слышал гулкий топот ног преследователя. С широко распахнутыми от страха глазами он обернулся и увидел Лепски, который бежал за ним, лавируя в рассеявшейся толпе. Он интуитивно понял, что человек, догоняющий его, – коп. Он увидел оружие в руке этого человека. Почти обезумев от ужаса, он развернулся и выстрелил в Лепски.

Пуля Педро угодила в голову какой-то чернокожей женщине, которая бежала к дому в поисках укрытия.

Лепски проревел:

– Стоять, или стреляю на поражение!

Педро отпрыгнул в сторону и рванул через улицу. Лепски ухватил револьвер обеими руками, расставил ноги и выстрелил.

Педро почувствовал удар пули, толкнувший его вперед. Он выронил потертый коричневый мешок, револьвер Фуэнтеса выскользнул из руки. Педро согнулся пополам, и его пронзила неистовая боль.

С визгом остановилась патрульная машина. Еще два копа присоединились к Лепски. Они осторожно приблизились к Педро, и один из копов произнес:

– А сукин сын еще жив.

Фуэнтес вихрем ворвался к себе в квартиру, захлопнул дверь и бросился к окну. Он как раз успел увидеть, как Лепски подстрелил Педро. Он увидел, как коричневый кожаный мешок, в котором лежало четыре тысячи двести долларов, упал рядом с телом Педро, а потом увидел револьвер, валявшийся тут же.

Оружие!

Фуэнтесу было плевать на Педро. Он лишь надеялся, что тот уже мертв. Но вот оружие! Должно быть, он свихнулся, когда дал Педро свой револьвер! Как только копы проверят номер, они выйдут на него. Фуэнтес как-то сторожил по ночам одну шикарную яхту, ее хозяин настоял, чтобы он обзавелся пистолетом, и выбил ему в полиции разрешение.

Очарованный оружием, Фуэнтес захотел оставить его себе. Когда хозяин яхты собирался на Багамы, Фуэнтес сказал, что нечаянно уронил револьвер за борт. Хозяин пожал плечами, велел ему заявить о пропаже в полицию и отчалил.

Фуэнтес ни о чем не заявлял. Разрешение на оружие было действительно еще восемь месяцев. За это время, с деньгами, которые предстояло украсть Педро, Фуэнтес уже планировал добраться до Гаваны, так что к черту копов!

Но теперь...

Копам потребуется всего несколько часов, чтобы проверить номер, и тогда они явятся за ним.

Обливаясь потом, он наблюдал за сценой внизу. Приехало еще несколько патрульных машин. Завывая сиреной, подкатила и «скорая».

Охваченный паникой, Фуэнтес отвернулся от окна. Надо убираться отсюда, пока не начали обыскивать весь дом! Кинувшись в чулан, он побросал кое-какую одежду в выдавший виды чемодан. Куда же пойти? Он подумал о Мануэле Торресе, своем лучшем друге. Фуэнтес часто встречал Мануэля Торреса в порту. Оба когда-то жили в одной деревне под Гаваной, вместе ходили в школу, в юности вместе работали на одной сахарной плантации. Фуэнтес не сомневался, что может рассчитывать на помощь Мануэля.

Открыв дверь, он выглянул в коридор. Соседи стояли к нему спиной: все смотрели вниз. Беззвучно ступая, он, с чемоданом в руке, дошел до конца коридора, где находился пожарный выход. Отодвинул засов, открыл дверь и обернулся. Никто не смотрел ему вслед, внимание всех было приковано к холлу внизу.

Он закрыл за собой дверь и побежал вниз по лестнице. Шагая быстро и размашисто, выбирая узкие проулки, он направлялся в сторону порта.

Через два часа после убийства Абе Леви сержант Гесс, невысокий, грузный мужчина, возглавлявший отдел по расследованию убийств, вошел в кабинет шефа полиции Террелла.

– Похоже на простое разбойное нападение, шеф, – сообщил он. – Двое погибших. Из-за беспорядочной стрельбы, как я понимаю. Личность убийцы мы пока не установили. На него ничего нет. Мы спрашивали свидетелей, но никто ничего не знает. Он кубинец. Мы все еще пытаемся установить его личность, но кубинцы стоят горой друг за друга.

Террелл, крупный мужчина с волосами песочного цвета, тронутыми сединой, с тяжелыми чертами лица, на котором особенно выделялась квадратная челюсть, выглядел ровно так, как и должен выглядеть дельный и суровый шеф полиции.

– А что с этим кубинцем?

– Он выжил. Том прострелил ему легкое. В данный момент он в реанимации. Рядом с его кроватью дежурит Ларри.

– По оружию что-нибудь есть?

– Проверяем. Вот-вот должно появиться.

– Что пресса?

Гесс поморщился:

– У нас не часто происходит два убийства за день, шеф. Репортеры ликуют.

– Этого следовало ожидать. Отпечатки пальцев убийцы сняли?

– Они уже отправлены в Вашингтон.

Вошел сержант Биглер:

– Шеф, получили отчет по оружию. Револьвер принадлежит кубинцу Роберто Фуэнтесу. У него имеется разрешение. Он живет в той самой многоэтажке, где убили Абе Леви. Но убийца не он. Фото на лицензии не совпадает. Макс с парой патрульных отправился к нему.

– Этот Фуэнтес мог ведь продать оружие убийце, – сказал Террелл, – или же тоже замешан в разбое.

– И я так думаю, шеф.

Зазвонил телефон. Трубку снял Биглер.

– Понял, – сказал он и добавил, обернувшись к Терреллу: – Фуэнтес сбежал. Забрал с собой одежду. В доме никто ничего не знает... как обычно.

– Он мне нужен, – сказал Террелл. – Займись им, Джо.

Деятельный Биглер с готовностью кивнул:

– Вы его получите, шеф.

Было начало третьего ночи, когда Анита Сертес подошла к рыболовецкому катеру Мануэля Торреса. В порту, если не считать нескольких ночных охранников, не было ни души. Охранники лишь покосились в ее сторону, когда она, стараясь держаться в тени, проходила мимо. Они решили, что она одна из многочисленных проституток, которые часто бывают в порту. Анита остановилась, увидев нужный катер. В каюте на носу горел свет. Она не сомневалась, что обнаружит в этой каюте Фуэнтеса.

Когда Анита вернулась домой, приведя в порядок люкс в пентхаусе, она включила радио и только тут узнала про стрельбу. Утром, пока она собиралась на работу, Педро велел ей, чтобы вечером, когда вернется, уложила вещи.

– Завтра в десять мы улетаем в Гавану. Будь готова.

Она обняла его:

– Дорогой мой, я всей душой против этого, но ты можешь положиться на меня, как и всегда.

Анита заходила домой в дневной перерыв, но Педро уже не было. Она немного отдохнула телом, но не душой. Ей не давала покоя мысль об оружии, которое показывал ей Педро. Она думала о его приятеле Фуэнтесе, который дал ему это оружие. Педро сказал, что никакого риска не будет. Она так его любила, что заставила себя поверить: риска не будет, – но все равно боялась.

Анита вернулась домой в половине одиннадцатого, отчаянно надеясь, что Педро уже дожидается ее, но при виде пустой маленькой комнаты сердце ее упало.

Педро велел ей собираться, поэтому она, несмотря на усталость, уложила два чемодана с их немногочисленными пожитками. Собравшись, она подумала, что завтра в это время они уже вернутся на маленькую сахарную плантацию и она снова будет батрачить на жаре, но какое это имеет значение, если Педро, ее любовь, будет рядом с ней?

Дожидаясь возвращения Педро, она включила новости. Анита оцепенела, услышав о разбойном нападении на Абе Леви, сборщика арендной платы, в результате чего погибли сам Абе Леви и случайная прохожая Кэрри Смит, чернокожая женщина.

Диктор продолжал:

– Детектив Том Лепски, заметивший бегущего налетчика, сделал предупреждение, а затем открыл стрельбу. Преступник – молодой кубинец, личность которого пока не установлена. Он получил серьезные ранения и находится в госпитале под охраной полиции.

Анита зажала руками рот, подавив крик. Педро!

– Полиция собирается допросить кубинца по имени Роберто Фуэнтес. Орудие убийства указывает на то, что он либо продал, либо одолжил его налетчику.

Диктор продолжал:

– Все, кому что-либо известно о местонахождении этого человека, должны сообщить в управление полиции.

Анита выключила приемник. У некоторых женщин имеется внутри стальной стержень, у других – нет. У Аниты был этот стержень, выкованный тяжелой, изматывающей работой на сахарной плантации и в отеле. Как только она отошла от потрясения, узнав, что ее возлюбленный серьезно ранен и находится в руках полиции, она задумалась над возникшей проблемой. Скоро полиция узнает, кто такой Педро и где он живет. Они придут сюда и допросят ее. За ней станет охотиться пресса. Она лишится работы в отеле. Надо действовать немедленно!

Фуэнтес! Он наверняка знает, что полиция будет его искать, и затаился.

Анита много месяцев прожила в Сикомбе. Она была частью кубинской диаспоры. Она знала друзей Педро. Она знала, что Фуэнтес постоянно твердит о своем богатом друге Мануэле Торресе, который держит рыболовецкий катер у Западного причала.

Она много слышала о Мануэле Торресе. Говорили, что он обладает большим влиянием. И даже более того. В кубинской диаспоре его считали крестным отцом всех кубинцев, живу-

щих в городе. Когда у кого-нибудь из них возникали проблемы, за помощью отправлялись к Мануэлю, и тот помогал. Его называли человеком слова. Когда он говорил, что сможет разрешить проблему, проблема была решена. Разумеется, за потраченное время он брал кое-какие деньги, но это было приемлемо, потому что его советы всегда помогали. Если он не выезжал на рыбалку, то торговал с прилавка на набережной, успешно всучивая туристам разную ерунду.

Когда Фуэнтес с Педро накачивались дешевым вином, Анита, сидевшая рядом, слышала, как хвастается Фуэнтес.

– Мануэль – мой друг, – заявил он как-то Педро. – Если я когда-нибудь попаду в беду, я пойду к нему и он мне поможет.

«Мануэль Торрес, которого называют человеком слова!» – думала Анита. Фуэнтеса она найдет у него.

Больше часа просидела она неподвижно, напряженно размышляя. Педро необходимо спасти! Педро нельзя надолго в тюрьму! Сама мысль об этом была невыносима, невозможна! Она хорошо знала цену дружбе. Ни Фуэнтес, ни Мануэль и палец о палец не ударят, чтобы помочь Педро, если у них не будет веского стимула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.